

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

DOI: 10.15838/sa.2022.2.34.6

УДК 316.422:327 | ББК 60.524.1:66.4

© Помозова Н.Б.

ВЛИЯНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ НА АКТИВИЗАЦИЮ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ КНР В XXI ВЕКЕ: УРОКИ ДЛЯ РОССИИ

НАТАЛЬЯ БОРИСОВНА ПОМОЗОВА

Российский государственный гуманитарный университет

Москва, Российская Федерация

e-mail: npomozova@mail.ru

ORCID: 0000-0002-9981-0593; ResearcherID: AAE-3313-2020

В статье рассматриваются некоторые социальные изменения, произошедшие в Китае в период с 2000 года по н. в. (уровень урбанизации, доходы домохозяйств в деревнях и городах, количество зависимых от трудоспособного населения людей, естественный прирост населения, высшее образование), наряду с изменениями во внешней политике КНР. Несмотря на высокий интерес международной научной дискуссии к анализу различных индикаторов социальных трансформаций в КНР, российские исследователи в большей степени сосредоточены на социально-экономических феноменах, практически игнорируют возможности социологии для обоснования других процессов, имеющих место в современном Китае и отличающихся беспрецедентной динамикой. Зарубежная экспертиза в области китаеведения в большей степени, чем отечественная, использует потенциал социологического знания, однако ей следует отказаться от монодисциплинарного подхода в пользу междисциплинарной методологии, способной представить более полный анализ происходящего в условиях усложняющейся социокультурной динамики. Предпринята попытка с позиций политической социологии проанализировать влияние общественных трансформаций на внешнеполитический курс КНР, который, очевидно, в исследуемый период характеризуется многовекторным усилением и появлением новых концепций глобального масштаба. Такое увеличение внешнеполитической активности спровоцировано не только экономическим, военным ростом КНР, но и изменившимся обществом, самоидентификация которого на современном этапе соответствует мощному государству, уважаемому за рубежом и даже способному взять на себя ответственность за глобальное международное лидерство.

Социология Китая, общественные трансформации, социология политики, социальная статистика.

Введение

Изменения, произошедшие в Китае за последние 20 лет, коснулись практически всех сфер: экономической, военной, технологической и пр., что стало предметом изучения и дискуссий как в российском, так и в зарубежном научно-экспертном сообществе. В настоящее время КНР представляет собой вторую, а по некоторым показателям (с 2014 года по ВВП по паритету покупательной способности) – первую экономику в мире. В 2020 году Китай занял первое место по количеству прямых иностранных инвестиций, его расходы на ключевые сферы развития (НИОКР, военную, социальную и т. д.) сопоставимы с расходами США¹.

Для России изучение опыта и пример Китая в области корреляции развития социума и активизации внешней политики может быть полезен с точки зрения понимания, что международная политика выступает фактором консолидации общества лишь тогда, когда ее усиление происходит на фоне социального развития и отвечает общественному запросу (желанию ассоциировать себя с мощным государством, играющим ключевые роли в международных процессах, и т. п.). В противном же случае, если эти социальные процессы происходят не синхронно, может наблюдаться общественное неприятие внешнеполитического курса страны и тех коллективных и индивидуальных акторов, которые задействованы в его формировании и реализации.

Большинство отечественных исследователей, занимающихся проблемами социальной трансформации Китая (Пивоварова, 2002; Борох, 2007; Денисов, 2016; Луконин, 2020; и др.), уделяет основное внимание экономическим процессам как факторам, влияющим на изменения в китайском обществе, другие сосредоточены на философско-идейной составляющей изменений (Янгутов, Чебунин, 2018; Ломанов, 2019). В Институте социологии

РАН ученые исследуют тенденции, присущие китайскому обществу на разных этапах его развития (Макеева, 2020; Козырева, 2021). Не умаляя значимости данных факторов, мы считаем, что пристального внимания заслуживают и другие процессы, к примеру, повышение ценности высшего образования, характерное как для китайского социума в целом, так и для управленческой элиты современного Китая. Между тем, явно не хватает междисциплинарного анализа изменений китайского общества, которое не только испытывало воздействие перемен, происходивших в стране в XXI веке, но и само по себе оказывало на эти перемены влияние. В то же время западные и китайские ученые² (Shambaugh, 2021; Б. Gransow, 2007; Xu, 2020; Li Chunling, 2020; Li Peilin, 2020; и др.), более полно использующие инструментарий социологии для анализа трансформаций, происходящих в китайском обществе, по большей части игнорируют междисциплинарную методологию, способную лечь в основу наиболее полного анализа различных взаимосвязанных социальных явлений. Выходя за пределы социологии и политической теории, можно представить холистическое видение современной внешней политики Китая, которая носит наступательный и амбициозный характер.

Отказ от сдержанности во внешней политике и ее существенная активизация с конца 90-х гг. XX века были спровоцированы и социальным запросом меняющегося общества, что впоследствии нашло отражение в политических бестселлерах. Так, пять авторов сборника «Китай недоволен» рассуждают о том, каким должно быть отношение современных китайцев к США и Западу в целом. Не случайно книга вышла в свет в марте 2009 года – через 20 лет после событий на Тяньаньмэнь. Политика санкций видится китайскому обществу несправедливой. В книге отражена потребность в уважитель-

¹ См.: Научно-практический семинар РСМД, ИМЭМО и МЭиМО «Мировая экономика и международные отношения». 28.09.2021. URL: <https://russiancouncil.ru/news/nauchno-prakticheskiy-seminar-rsmd-imemo-i-meimomirovaya-ekonomika-i-mezhdunarodnye-otnosheniya> (дата обращения 19.11.2021).

² Grünberg N. Who is the CCP? China's Communist Party in infographics. URL: <https://meric.org/en/short-analysis/who-ccp-chinas-communist-party-infographics> (accessed 24.06.2021); Social Transformations in Chinese Societies: The Official Annual of the Hong Kong Sociological Association (2006). Brill Academic Publishers.

ном отношении к КНР, в связи с чем необходимо проводить более жесткий и принципиальный внешнеполитический курс. Чувствуя общественный запрос, авторы видят выход из сложившейся унижительной для китайцев ситуации в том, чтобы «изгнать из души сомнения... и смело встать с Западом лицом к лицу»³.

С начала 2000-х гг. руководство Китая осторожно формулирует внешнеполитические концепции. Первой крупной из них стало предложенное Чжэн Бицзянем «мирное возвышение»⁴. Открытая заявка на активизацию внешнеполитического курса на Западе была воспринята настороженно (Robert, 2005). В результате социологической рефлексии уже через два года формулировка концепции, по крайней мере для внешней аудитории, была смягчена до «мирного развития». Существенный импульс международная политика Китая получила с приходом к власти Си Цзиньпина в 2013 году. О ее динамике можно судить, в том числе, по количеству и масштабам новых внешнеполитических концепций. Рассмотрим некоторые социальные тенденции, сопровождающие трансформации внешнеполитического курса КНР в исследуемый период, который характеризуется усилением внешнеполитического вектора на фоне бурного роста Китая и сопутствующих ему общественных трансформаций.

Схожесть проблем, которые стоят перед российским и китайским обществом (высокая степень социального неравенства, снижение уровня рождаемости, старение населения и др.), обуславливает необходимость анализа тенденций развития китайского социума и опыта механизмов решения стоящих перед руководством государства задач. Однако в нашей статье предпринята попытка сфокусировать внимание на взаимосвязи общественных изменений и трансформации внешней политики, вектор и активность которой зависят не только от объективных показателей ее развития, но и от внутреннего

социального запроса. Такое понимание корреляции двух социальных явлений (состояния общества и международной политики), возможно, не очевидно на первый взгляд, но, безусловно, существенно.

В статье представлены результаты анализа данных социальной статистики КНР об изменении уровня урбанизации, доходов домохозяйств, уровня образования и естественного прироста населения с 2000 года по н. в. Этот период был выбран ввиду того, что именно тогда повысилась международная активность Китая, которая нашла отражение, в частности, в появлении концепций глобального масштаба (Сообщество единой судьбы человечества, инициатива «Один пояс, один путь», «китайская мечта» и др.). Перечень же разделов социальной статистики был сформирован исходя из авторского видения показательности их данных с точки зрения формирования представления об изменении общества. Предметом анализа выступает постепенная трансформация внешней политики Китая на фоне развития общества в исследуемый период. Цель исследования – выявить влияние перечисленных индикаторов социальных трансформаций на усиление внешней политики КНР, с тем чтобы показать взаимозависимость этих двух социальных явлений, что может быть полезно и в процессе разработки внешнеполитических доктрин Российской Федерации.

Методика исследования

В статье анализируется активизация внешней политики Китая в период с 2000 года по н. в. на фоне изменений, произошедших в китайском обществе в результате экономического развития страны. В качестве обоснования этих изменений представлены результаты анализа некоторых данных социальной статистики. Так, автором были выбраны четыре категории данных: уровень урбанизации, доходы домохозяйств, уровень образования и естественный прирост. Хотя упомянутые индикаторы не являются

³ Сун Сяоцзюнь (2009). Китай недоволен. Великая эпоха, великие цели и наши внутренние и внешние неурядицы. Нанкин: Цзянсу жэньминь чубаньшэ. 295 с.

⁴ China's Peaceful Rise: Speeches of Zhong Bijian 1997–2005 (2005). Brookings Institution Press, 37–43.

единственными показателями социальных трансформаций, они наглядно демонстрируют факт изменений в обществе, его развития.

В исследовании опровергается теория С. Липсета, согласно которой урбанизация, индустриализация, рост доходов и в особенности уровень образованности населения непременно ведут к установлению демократии. Однако в Китае, где все эти показатели с начала XXI века неизменно увеличиваются, социально-политическая модель остается неизменной.

С опорой на теорию марксизма делается вывод о том, что активизация внешней политики, произошедшая в начале 2000-х гг., стала следствием общественного развития и соответствующего социального запроса китайцев, желающих идентифицировать свою страну со значимым, глобальным игроком на международной арене.

Результаты

Урбанизацию принято рассматривать как движущую силу экономического роста, которой сопутствуют модернизация, индустриализация и распространение образования, повышение его уровня в обществе. В 2000 году доля городского населения в Китае составляла 36,3%, сельского – 63,7% соответственно. В 2011 году доля проживающих в городах впервые превысила население сельской местности, а в 2019 году уровень урбанизации КНР достиг 60,6%, увеличившись за 19 лет практически в два раза. Понятие урбанизации включает не только само перемещение населения страны из сельской местности в города, но и процесс адаптации общества. Хотя Китай официально причисляет себя к развивающимся странам, процесс активной урбанизации характерен для развитых стран. Люди, проживающие в городах, имеют больший доступ к образованию, ин-

формации, их доходы выше, чем у деревенских жителей, они имеют больше возможностей путешествовать за границу.

На протяжении исследуемого периода уровень доходов домохозяйств в Китае стабильно рос. Если в 2000 году для сельских домохозяйств он составлял 2253 юаня в год, то в 2020 году – 17131, то есть увеличился в 7,6 раза. Для городских домохозяйств на 2000 год зафиксирована цифра 6820 юаней в год, а в 2020 году – 43834, что практически в 6,5 раза больше и составляет примерно третью часть от доходов людей, проживающих в сельской местности⁵. Таким образом, хотя уровень доходов сельского населения значительно увеличился (и имеет тенденцию к более быстрому росту по сравнению с городом) за последние 20 лет, сохраняется его существенный разрыв с уровнем доходов городских жителей, что влечет за собой социальную проблему разрыва в благосостоянии между богатыми и бедными. Данный тезис подтверждается статистикой лиц со сверхкрупным капиталом. Если в 2012 году их число составляло 63,5 тыс. чел., то в 2019 году оно увеличилось до 105 тыс. чел.⁶ В 2021 году Председатель КНР Си Цзиньпин объявил о победе над абсолютной бедностью, что является важным шагом на пути к построению среднезажиточного общества к 2035 году⁷.

Один из серьезных социальных вызовов – сокращение рождаемости и естественного прироста населения Китая. Естественный прирост уменьшился с 7,58% в 2000 году до 3,34% в 2019 году. В 2019 году в ряде провинций (Ляонин, Цзилинь, Хэйлунцзян) наблюдался отрицательный прирост населения, при этом наибольший коэффициент (10,14%) был зафиксирован в Тибете. Снижение явилось, в том числе, следствием проводимой китайскими властями с 1979 по 2015 год демографической политики «одна

⁵ China Statistical Yearbook. 2019. Population and it's Composition. URL: <http://www.stats.gov.cn/tjsj/ndsj/2019/indexeh.htm> (accessed 24.06.2021).

⁶ Statista. Annual per capita disposable income of rural and urban households in China from 1900 to 2020. URL: <https://www.statista.com/statistics/259451/annual-per-capita-disposable-income-of-rural-and-urban-households-in-china> (accessed 24.06.2021).

⁷ China Statistical Yearbook. Population and it's composition. URL: <http://www.stats.gov.cn/tjsj/ndsj/2019/indexeh.htm> (accessed 24.06.2021).

семья – один ребенок». Она подразумевала целый ряд исключений (не распространялась на национальные меньшинства, предусматривала возможность выдачи индивидуальных разрешений семьям, где умер ребенок, и др.), а в 2015 году ввиду вызванных ею последствий, которые несут прямую угрозу экономическому развитию, была заменена на концепцию «одна семья – два ребенка». Однако уровень рождаемости продолжил падать, продемонстрировав в 2019 году рекордно низкий коэффициент рождаемости с момента основания КНР в 1949 году – 10,48 детей на 1000 человек⁸. Такая ситуация вызвана общественными процессами, характерными для развитых экономик. Женщины, получая доступ к высшему образованию, больше возможностей для самореализации и построения карьеры, зачастую позже выходят замуж (для Китая существует еще одна демографическая проблема – превалирование мужского населения над женским), расставляют приоритеты в пользу работы, а не воспитания детей. Важной демографической проблемой, которой, применительно к анализу международных отношений и прогнозированию вектора развития внешней политики других государств и производимого ими дискурса, не уделяется должного внимания в отечественной науке, является гендерный вопрос. Данная проблематика применительно к руководящему составу ключевых внешнеполитических ведомств является еще одним предметом для исследования и дискуссий в рамках междисциплинарного подхода к изучению международных отношений. Американский ученый Р. Коннэлл пришел к выводу о том, что распространенное мнение о зависимости международной политики государства от роли мужчин в ее формировании, так называемых мужских ценностей, под которыми принято подразумевать склонность к милитаризму, основывается на упрощенном понимании особенностей поведения мужчин и потому ложно. Исследования, по мне-

нию Р. Коннэлла, часто попадают в ловушку конструкции идеального типа мужского и женского поведения, в то время как следует брать за основу анализа смешанные архетипы мужественности и женственности, характерные для общества (Connell, 1995).

Обсуждение

Согласно «теории модернизации» С.М. Липсета, в результате социального и экономического развития общества и государства непременно приходят к демократии, так как экономический рост приводит к развитию социальных структур, с управлением которыми автократии не справляются. Среди факторов, необходимых для установления демократии, С.М. Липсет выделяет урбанизацию, индустриализацию, рост доходов и уровень образованности населения. Образованность ученых отметил в качестве решающего обстоятельства (Lipset, 1969). Рассмотрим, как изменялась ситуация с уровнем образованности китайцев в исследуемый период.

Если в 2000 году количество студентов вузов из расчета на 100 тыс. чел. составляло 723 чел., то в 2018 году увеличилось до 2658 чел., то есть в 3,6 раза. Социально-экономические трансформации в КНР нашли отражение в статистике относительно числа китайских аспирантов, получивших за границей степень PhD. В 2000 году оно равнялось 38989 чел., а к 2017 году возросло до 662100 чел., что почти в 17 раз больше. В 2000 году, получив степень PhD за границей, на родину продолжать трудовую деятельность вернулись 9121 чел., то есть 23,4% от общего числа обучавшихся за рубежом, а в 2017 году – 519400 чел., то есть более 78%⁹. Приведенные данные социальной статистики свидетельствуют о том, что еще одним важным индикатором изменений китайского общества является наличие высшего образования, популярность которого стабильно растет. Тем не менее ситуация в Китае вступает в противоречие с теорией С.М. Липсета,

⁸ UN Data. Crude birth rate in China. URL: <https://clck.ru/hBzbm> (accessed 24.06.2021).

⁹ China Statistical Yearbook. Population and its composition. URL: <http://www.stats.gov.cn/tjsj/ndsj/2019/indexeh.htm> (accessed 24.06.2021).

согласно которой высокообразованное население страны становится залогом перехода ее политического устройства к демократии. Несмотря на наличие в китайском обществе перечисленных в «теории модернизации» условий, нет оснований предрекать скорый крах социализма с китайской спецификой и установления демократии, по крайней мере, в ее западном понимании.

Таким образом, анализ данных социальной статистики наглядно демонстрирует существенные изменения китайского общества начиная с 2000-х гг. Хотя трансформации касаются очень многих, если не всех, аспектов социальной жизни КНР, в рамках нашего исследования были рассмотрены лишь некоторые из них. Так, значительно вырос уровень урбанизации, доходов как городских, так и сельских домохозяйств. В области образования закрепилась тенденция к его большей доступности и популярности, в том числе к обучению за рубежом. При этом возросла привлекательность Китая как места для жизни и профессиональной реализации специалистов со степенью PhD, полученной за рубежом.

Данные трансформации обусловлены бурным экономическим ростом и являются вполне типичными для развитых стран. Однако существуют и особенные социальные тенденции, одной из которых является демографическая ситуация, испытывавшая на протяжении 35 лет воздействие соответствующей политики.

Согласно теории одного из основоположников политической социологии, К. Маркса, «не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание» (Маркс, 1959). Динамика общественных изменений в Китае, набравшая обороты с начала XX века, во многом предопределила и усиление внешней политики КНР. С одной стороны, растущие доходы и возможности китайцев, с другой стороны, повышающийся уровень образованности оказали влияние на самоощущение

людей, их самоидентификацию. Появилось больше возможностей получать образование за рубежом, и на него вырос спрос, но одновременно экономическое развитие страны сделало ее более привлекательной для самореализации тех, кто смог получить образование и опыт работы за границей. Число людей, получивших высшее образование и степень PhD за рубежом и вернувшихся после этого работать на родину, демонстрирует значительный рост. Очевидно, что такие люди хотят ассоциировать себя с привлекательной страной, государством, занимающим достойное, если не лидирующее место на внешнеполитической арене. Международные отношения же рассматриваются через призму экономического доминирования. К. Маркс называет их «вторичными и третичными, вообще производными, перенесенными, непервичными производственными отношениями»¹⁰.

В связи с этим представляются интересными некоторые тенденции в кадровой политике Коммунистической партии Китая, усилившиеся в 2012 году с назначением на должность Генерального секретаря ЦК КПК Си Цзиньпина. Так, несмотря на то, что количество членов КПК демонстрирует стабильный рост, в партию принимают меньше человек, чем раньше: в 2014 году поступило 21,8 млн заявок на вступление в партию, принято 10,3 млн чел., а в 2019 году прошли отбор и вступили в КПК только 9 из 19 млн.¹¹ Курс Си Цзиньпина на повышение уровня образования партийцев находит отражение в данных социальной статистики: если в 2013 году количество представителей рабочих профессий среди членов КПК составляло 38,1%, а людей с высшим образованием – 41,6%, то в 2019 году это соотношение стало 34,8 и 50,7% соответственно. Таким образом, Компартия Китая становится все более элитарной, а система партийного и государственного управления – более меритократической, что вписывается в теорию М. Янга и Д. Белла, согласно которой элита-

¹⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Введение (Из экономических рукописей 1857–1858 гг.) (1958) // Маркс К., Энгельс Ф. Собрание сочинений. Т. 12. С. 735.

¹¹ Grünberg N. Who is the CCP? China's Communist Party in infographics. URL: <https://meric.org/en/short-analysis/who-ccp-chinas-communist-party-infographics> (accessed 24.06.2021).

ризм в постиндустриальном обществе соединяется с идеей социальной справедливости, а управление должно осуществляться элитой знаний (Bell, 1973).

Одновременно анализ человеческого капитала руководящего состава двух основных внешнеполитических ведомств КНР, Министерства иностранных дел и Международного отдела ЦК КПК, показал, что в большинстве своем это люди, получившие образование не только в Китае, но и за рубежом, причем преимущественно в Европе (Помозова, 2018; Литвак, Помозова, 2021).

Заключение

Даже с учетом относительно твердых позиций социализма с китайской спецификой было бы наивным игнорировать влияние, которое оказывает китайское общество на принятие решений политической элитой страны. Одной из основных задач Председателя КНР Си Цзиньпина как ядра Компартии Китая¹² является удержание власти, и в данном случае не стоит преувеличивать силу авторитарных рычагов воздействия на общество, особенно когда речь идет об одной из самых населенных стран мира¹³. Руководство КПК отчетливо почувствовало общественный запрос на самоидентификацию китайцев с великим государством, не просто повышающим уровень жизни своего народа, но и демонстрирующим свои глобальные амбиции, требующим уважения на международной арене. Регулярная апелляция к периоду «ста лет унижений» в дискурсе руководства КНР противопоставляется нынешнему статусу Китая в мире, с которым себя идентифицируют представители китайского общества «в новую эпоху» – жители городов, с возросшими доходами, получившие высшее образование или ученую степень, в том числе за рубежом, общества, стремящегося к «великому возрождению китайской нации».

В ответ на социальный запрос, появившийся в 90-е гг. XX века, руководство Китая

стало аккуратно выдвигать внешнеполитические концепции, обращая при этом внимание и на реакцию на них за рубежом. Так, концепция «мирного возвышения», выдвигнутая в 2002 году и насторожившая Запад, в результате социальной рефлексии руководства Китая была заменена, по крайней мере для международной аудитории, на «мирное развитие».

Внешняя политика, в том числе под воздействием запроса китайцев на самоидентификацию с мощным, авторитетным государством, получила значительный импульс с приходом к власти Си Цзиньпина в 2013 году – одна за другой появились глобальные концепции, обращенные к международному сообществу (Сообщество единой судьбы человечества, «Один пояс, один путь», «китайская мечта» и проч.).

Таким образом, приведенный выше анализ позволил выявить, что, с одной стороны, внешнеполитические концепции современного Китая разрабатываются и внедряются людьми с высшим образованием и опытом, часто полученным за рубежом, а с другой стороны, они отвечают общественному запросу китайцев, уровень возможностей и образованности которых стабильно растет.

Исследование показало, что для китайского общества характерны многие проблемы, которые актуальны и для Российской Федерации (вызовы политического характера, а также проблемы, связанные с урбанизацией населения; усиление социального неравенства и др.). Соответственно, дальнейшее исследование общественных и политических процессов, происходящих в КНР, анализ практического опыта решения государством встающих перед страной глобальных и внутренних вызовов, их сравнение с аналогичными процессами и проблемами, существующими в России, с опытом их решения государством составляют актуальную задачу и перспективное направление дальнейших научных исследований.

¹² Резолюция XIX Всекитайского съезда КПК по проекту пересмотренного Устава КПК. URL: http://russian.news.cn/2017-10/24/c_136703044.htm (дата обращения 24.06.2021).

¹³ The World Bank. Population of China (2021). URL: <https://data.worldbank.org/indicator/SP.POP.TOTL?locations=CN> (accessed 24.06.2021).

ЛИТЕРАТУРА

- Борох О.Н. (2007). Дискусии о характере социально-экономических преобразований в Китае // Китай и Россия: социально-экономическая трансформация. М.: Наука. С. 39–56.
- Денисов И.Е. (2016). Внешняя политика Китая при Си Цзиньпине: преемственность и новаторство // Контурные глобальных трансформаций: политика, экономика, право. № 5. С. 83–98.
- Козырева П.М. (2021). Справедливость и неравенство в потреблении домохозяйств в России и Китае: сравнительный анализ // Вестник Российского ун-та дружбы народов. Сер.: Социология. Т. 21. № 1. С. 50–67.
- Литвак Н.В., Помозова Н.Б. (2021). Внешнеполитические приоритеты в кадровой политике международного отдела ЦК компартии Китая // Мировая экономика и международные отношения. Т. 65. № 6. С. 51–58.
- Ломанов А.В. (2019). Трансформация общественных идейных течений в современном Китае // Россия и АТР. № 3 (105). С. 34–51.
- Луконин С.А. (2020). Трансформация социально-экономической модели Китая в условиях пандемии // Контурные глобальных трансформаций. Т. 13. № 6. С. 198–216.
- Макеева С.Б. (2020). Исторический опыт Китая по использованию районирования в ходе реализации стратегий регионального развития (XX–XXI вв.) // Современные востоковедческие исследования. Т. 2. № 5. С. 49–55.
- Маркс К. (1959). К критике политической экономии. М.: Политиздат. Т. 13. 771 с.
- Пивоварова Э.Н. (2002). Социальная трансформация китайского общества // Белорусский экономический журнал. № 4. С. 48–56.
- Помозова Н.Б. (2018). О человеческом капитале Министерства иностранных дел (на основе анализа биографий ключевых сотрудников в период с 1998 по 2018 год) // Вестник Поволжского ин-та управления. № 6. С. 22–29.
- Янгутов Л.Е., Чебунин А.В. (2018). Современная философская и общественно-политическая мысль Китая // Вопросы философии. № 8. С. 182–191.
- Bell D. (1973). *The Coming of Post-Industrial Society*. New York.
- Connell R.W. (1995). *Masculinities*. Cambridge: Polity Press, 551–604.
- Gransow B. (2007). Social transformation in China and the development of social assessment. *International Review of Sociology*, 539–558.
- Li Chunling (2020). Children of the reform and opening-up: China's new generation and new era of development. *The Journal of Chinese Sociology*, 18, 1–22.
- Li Junru (2014). *Zhongguo meng, shenme meng*.
- Li Peilin. (2020). *Social Transformation and Chinese Experience*. Routledge.
- Lipset S.M. (1959). Some social requisites of democracy: Economic development and political legitimacy. *American Political Science Review*, 53 (01), 69–105.
- Robert L. (2005). Suettinger. *The Rise and Descent of "Peaceful Rise"*. *China Leadership Monitor*, 1–2.
- Shambaugh D. (2021). *China's Leaders: From Mao to Now*. Polity.
- Xu Xianglin (2020). *Social Transformation and State Governance in China*. Springer Singapore.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Наталья Борисовна Помозова – кандидат социологических наук, Российский государственный гуманитарный университет (Российская Федерация, 125993, г. Москва, Миусская пл., д. 6; e-mail: npomozova@mail.ru)

Pomozova N.B.

ON THE QUESTION OF THE TRANSFORMATION OF CHINESE SOCIETY AND STRENGTHENING OF THE PRC'S FOREIGN POLICY IN THE 21ST CENTURY

The article examines some of the social changes in China in the period from 2000 to the present time (the level of urbanization, household income in villages and cities, the number of people dependent on the working-age population, natural population growth, and higher education), along with changes in the PRC foreign policy. Despite the interest of the international scientific discussion in the analysis of various social transformations in the PRC, Russian scientists are more focused on socio-economic phenomena, almost ignoring the possibilities of sociology to substantiate other processes taking place in China and differing in unprecedented dynamics. Foreign expertise in the field of Sinology, to a greater extent than Russian, uses the potential of sociological knowledge, but it should abandon the monodisciplinary approach in favor of an interdisciplinary methodology capable of providing a more comprehensive analysis of what is happening in the context of increasingly complex sociocultural dynamics. From the standpoint of political sociology, we made an attempted to analyze the impact of social transformations on the foreign policy of the PRC, which, obviously, in the period under study is characterized by a multi-vector strengthening and the emergence of new concepts of global scale. Such an increase in foreign policy activity is provoked not only by the economic and military growth of the PRC, but also by a changed society the self-identification of which at the present stage corresponds to a powerful state, not just respected abroad but even capable to take responsibility for global international leadership.

Sociology of China, social transformations, sociology of politics, meritocracy, transdisciplinary approach.

REFERENCES

- Bell D. (1973). *The Coming of Post-Industrial Society*. New York.
- Borokh O.N. (2007). Discussions on the nature of socio-economic transformation in China. In: *Kitai i Rossiya: sotsial'no-ekonomicheskaya transformatsiya* [China and Russia: Socio-Economic Transformation]. Moscow: Nauka.
- Connell R.W. (1995). *Masculinities*. Cambridge: Polity Press, 551–604.
- Denisov I.E. (2017). Chinese foreign policy under Xi Jinping: Continuity and innovation. *Kontury global'nykh transformatsii: politika, ekonomika, pravo=Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, 5, 83–98 (in Russian).
- Gransow B. (2007). Social transformation in China and the development of social assessment. *International Review of Sociology*, 539–558.
- Kozyreva P.M. (2021). Justice and inequality in the household consumption in Russia and China: A comparative analysis. *Vestnik Rossiiskogo un-ta druzhby narodov. Ser.: Sotsiologiya=RUDN Journal of Sociology*, 21(1), 50–67 (in Russian).
- Li Chunling (2020). Children of the reform and opening-up: China's new generation and new era of development. *The Journal of Chinese Sociology*, 18, 1–22.
- Li Junru (2014). *Zhongguo meng, shenme meng*.
- Li Peilin. (2020). *Social Transformation and Chinese Experience*. Routledge.
- Lipset S.M. (1959). Some social requisites of democracy: Economic development and political legitimacy. *American Political Science Review*, 53 (01), 69–105.
- Litvak N.V., Pomozova N.B. (2021). On the reflexive formation of the “human capital” of the international department of the CPC Central Committee. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya=World Economy and International Relations*, 65(6), 51–58 (in Russian).

- Lomanov A.V. (2019). Transformation of social ideological currents in contemporary China. *Rossiya i ATR=Russia and the Pacific*, 3(105), 34–51 (in Russian).
- Lukonin S.A., Zakliazminskaia E.O. (2020). Transformation of the socioeconomic model of China in the context of a pandemic. *Kontury global'nykh transformatsii: politika, ekonomika, pravo=Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, 13(6), 198–216 (in Russian).
- Makeeva S.B. (2020). China's historical experience on the use of zoning in the implementation of regional development strategies (XX – beginning of XXI). *Sovremennye vostokovedcheskie issledovaniya=Modern Oriental Studies*, 2(5), 49–55 (in Russian).
- Marx K. (1959). *K kritike politicheskoi ekonomii* [A Contribution to the Critique of Political Economy]. Moscow: Politizdat.
- Pivovarova E.N. (2002). The social transformation of Chinese society. *Belorusskii ekonomicheskii zhurnal=Belarusian Economic Journal*, 4, 48–56 (in Russian).
- Pomozova N.B. (2018). On the human capital of the ministry of foreign affairs of China (based on an analysis of the biographies of key employees from 1998 to 2018). *Vestnik Povolzhskogo in-ta upravleniya=Bulletin of the Volga Region Institute of Administration*, 6, 22–29 (in Russian).
- Robert L. (2005). Suettinger. *The Rise and Descent of "Peaceful Rise"*. *China Leadership Monitor*, 1–2.
- Shambaugh D. (2021). *China's Leaders: From Mao to Now*. Polity.
- Xu Xianglin (2020). *Social Transformation and State Governance in China*. Springer Singapore.
- Yangutov L.E., Chebunin A.V. (2018). Contemporary philosophical and socio-political thought in China. *Voprosy filosofii*, 8, 182–191 (in Russian).

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Natalia B. Pomozova – Candidate of Sciences (Sociology), Russian State University for the Humanities (6, Miuskaya Square, 125993, Moscow, Russian Federation; e-mail: npomozova@mail.ru)